

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *И. Хивренко*

Маринина, Александра.
М26 Личные мотивы / Александра Маринина. —
Москва : Эксмо, 2018. — 576 с. — (А. Маринина.
Больше чем детектив).

ISBN 978-5-699-80833-5

Прошлое неотрывно смотрит в будущее. Чтобы разобраться в сегодняшнем дне, надо обернуться назад. А преступление, которое расследует частный детектив Анастасия Каменская, своими корнями явно уходит в прошлое. Кто-то убил смертельно больного, беспомощного хирурга Евтеева, давно оставившего врачебную практику. Значит, была какая-то опасная тайна в прошлом этого врача, и месть настигла его на пороге смерти. Месть? Впрочем, зачастую под маской мести прячется элементарное желание что-то исправить, улучшить в своей жизни. А фигурантов этого дела бушует множество страстных желаний: жажда власти, богатства, удовлетворения самых причудливых амбиций... Словом, та самая, столь хорошо знакомая Насте, благодатная почва для совершения рискованных и опрометчивых поступков. Но ведь где-то в прошлом таится то самое роковое событие, вызвавшее эту лавину убийств, шантажа, предательств. Надо как можно быстрее вычислить его и остановить весь этот ужас...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-80833-5

© Алексеева М. А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Глава 1

Сегодня воскресенье, а завтра День космонавтики. Вот так бывает: закончили работу аккуратно накануне праздника, и можно ехать домой. Конечно, этот праздник — не выходной день, но все-таки... В детстве Валерий Стеценко хотел стать космонавтом и день 12 апреля любил больше всего в году, даже больше своего дня рождения, даже больше Нового года. Книжки читал про космос, физикой увлекался, спортом занимался. Да что теперь вспоминать! Ничего из этого ему потом не пригодилось. Хотя как сказать... Если бы не хорошая физическая форма, вряд ли он теперь, в свои «за полтинник», мог бы работать в бригаде строителей-ремонтников, часами стоять на стремянке с поднятыми вверх руками, выравнивая потолки и стены и украшая их разнообразным декором. Народ-то теперь пошел со вкусом к ампиру да разным изыскам, просто побелить потолок и наклеить обои — это уже мало кому интересно, хоть дешевеньким, картонным, в подмосковном цеху сляпанном, а укрась, будь любезен.

Эту квартиру в доме, стоящем в двухстах метрах от МКАД, их бригада делала пять месяцев,

измучились, пока угождали хозяевам, которые сами плохо понимали, чего хотят, и без конца требовали «сделать по-другому». Несколько дней назад поняли, что свет в конце тоннеля наконец забрезжил, работа заканчивается, и всей бригадой решили поднапрячься, сил не жалеть, со временем не считаться, но к воскресенью уже разделаться с ненавистным объектом, а заодно и с хозяевами, от которых тошнило. Так-то бригадир режим труда соблюдал, выходные рабочим давал, чаще всего в субботу и воскресенье, но порой и среди недели, смотря как дело двигалось да в зависимости от подвоза материалов, и Валерий почти каждую неделю на день-два мотался домой, в Тверь, а в эти выходные пришлось работать, но зато теперь у него впереди отдых, сон и еда. В бригаде, кроме бригадира, ни одного москвича, у всех семьи в других городах, все соскучились, хотели домой к родным, да и устали изрядно. Работали часов до двух ночи, к одиннадцати заканчивали «громкие» работы, чтобы соседи не возникали, и еще три часа возились потихоньку, спать оставались там же, на объекте, ложились на надувные матрасы прямо в одежде, без постельного белья, вскакивали в семь, быстро пили чай с бутербродами и принимались за дело. Очень уж всем хотелось поскорее закончить. Вот и закончили, слава богу, как раз к середине дня в воскресенье, и можно ехать домой.

После того как бригадир осмотрел объект и принял работу, посидели, как водится, расслабились, отпраздновали. Уже «слегка нетрезвый»,

Валерий Стеценко поехал на квартиру, которую снимал вместе с товарищами по бригаде братьями Руссу, помыться, переодеться да вещи собрать. Братья тоже поехали, решили с квартиры на окраине Москвы вместе двигать в сторону вокзалов: им было по пути, молдаване Руссу несколько лет назад осели со своими семьями в Смоленске, и ехать им нужно было с Белорусского вокзала, а Стеценко после отсидки жил в Твери, и его поезда уходили с Ленинградского. Так что и до метро вместе доберутся, и на метро проедутся, сначала по радиальной ветке, потом по Кольцевой.

Нетрезвый-то он нетрезвый, но деньги считать Валерий Стеценко всегда умел, прошлое у него такое, что без аккуратного счета денег никуда, вот навык и остался, не рассосался за годы, проведенные в колонии, да за долгое время безденежья и случайных приработков. Лучше всего ехать питерским поездом в час пятьдесят три ночи, там есть сидячие места, которые стоят всего-то сто семьдесят пять рублей, то есть практически даром можно доехать. Есть и другие ночные поезда, их полно, но не в каждом найдется не то что сидячий, а даже и плацкартный вагон, в котором место стоит уже пятьсот двадцать три рубля, то есть существенно дороже, а в купе ехать — это ж вообще разориться можно, больше 900 рублей билет. А зачем ему отдельная полка в купе или в плацкартном? Ехать-то всего ничего, он, и сидя в креслице, отлично доедет. Главное, чтобы билеты были на тот поезд, где сидячие места есть. А уж если не будет, то придется платить за плацкарту или, того

хуже, за купе, чего ему совсем не хочется. Деньги за пять месяцев работы он заработал вполне приличные, но их беречь надо, кто его знает, сколько времени придется в Твери сидеть, пока бригадир новый заказ не надыбает и не позвонит, дескать, приезжай, Валерка, работа не ждет. Может, уже через неделю раздастся звонок, Стеценко даже отоспаться и отожраться как следует не успеет, а может, и через три месяца. Так что экономить придется с самого начала. С другой стороны, как тут сэкономишь, когда дочка ждет не дождется папку, который привезет деньги и начнет покупать подарки, не говоря уж о самом необходимом? Дочку маленькую Валерий любил и баловал ее, как мог.

Но все же надо постараться лишнего не тратить. И хотя до поезда было еще очень много времени, он все равно решил ехать пораньше, вместе с братьями Руссу, хотел часам к двенадцати ночи успеть на вокзал. Лучше он подождет свой поезд, чем пропустит вообще все поезда, а на час пятьдесят три сидячих мест не останется. Можно, в конце концов, и в ноль тридцать девять уехать, и в ноль пятьдесят, и в час, и в час двадцать. Другое дело, что если уехать своим любимым поездом в час пятьдесят три, то в Твери на вокзале будет ждать Кот, Сенька Котов, который каждую неделю в ночь с воскресенья на понедельник встречает свою зазнобу, возвращающуюся из Москвы всегда именно этим поездом. Кот на машине, и он обязательно подбросит Стеценко до дома и денег не возьмет, это уж сколько раз проверено. А если

другим поездом приехать, то придется или Кота ждать, болтаться по платформе, или платить бомбиле. А как же экономия?

Братья Руссу после недавних взрывов в московском метро ездить в подземке побаивались, страх еще не прошел, но ехать-то надо, куда ж денешься, и они, чтобы не думать о страшном, всю дорогу болтали, не закрывая рта. Стеценко даже злиться начал, от выпитого в голове шумело, намешали опять водку с колой для пущего эффекта, и болтовня братьев его раздражала. Еле дождался, когда доедут до «Белорусской» и Руссу выйдут из вагона. Ему самому еще до «Комсомольской» пилить, но это недолго, всего три остановки.

— Валерка, ты, что ли?

Голос раздался прямо над ухом и, несмотря на грохот поезда, почти оглушил Валерия. Он удивленно обернулся. Мужик какой-то, одет просто, недорого, чтобы не сказать — бедновато, просторная куртка размера на два велика, это Стеценко определил на глаз, а глаз у него был наметанным еще с тех давних пор, когда он крутился в среде валютчиков и фарцовщиков и отлично разбирался в шмотках, в фирмах и размерах. И брюки у мужика какие-то мешковатые и не особо чистые. А вот рожа смутно знакомая, но откуда Валерий его знает — так сразу не вспомнить.

— Ну, я, — осторожно ответил он. — А ты что за хрен с горы?

— Неужели не узнаешь? — весело удивился мужик. — Хотя и правда, столько лет прошло. Ну напрягись, родной, напрягись, вспомни.

И Стеценко вспомнил. Не сказать, что воспоминание было приятным, но все-таки знакомый, куда ж денешься. Даже имя вспомнил — Геннадий. А вот фамилию припомнить не мог, какая-то простая фамилия, типа Иванов или Сидоров.

— Ну, как ты? Где живешь, чем дышишь? — оживленно продолжал мужик по имени Геннадий.

Хвастаться Стеценко особо нечем, но и скрывать незачем, все равно этот Геннадий все самое плохое и неприглядное про Валерия и так знает. Скупое поведал, не вдаваясь в подробности, что живет в Твери, работает в Москве в строительно-ремонтной бригаде, зарабатывает сколько может, одним словом, на жизнь не жалуется, но могло бы быть и получше, если бы повезло.

Геннадий одобрительно хлопнул его по плечу:

— Хорошо устроился, молодец. Знаешь что, а давай пойдем куда-нибудь выпьем, отметим встречу, все-таки столько лет не виделись.

Выпить, конечно, хотелось, особенно на халю. Но, с другой стороны, поезд же... Если не успеть на час пятьдесят три, то вообще неизвестно, когда он теперь домой попадет.

— У меня поезд, — неуверенно проблеял Стеценко.

— В котором часу?

— В час пятьдесят три последний уйдет.

— Ну, ты хватил! — рассмеялся Геннадий. — Еще только половина двенадцатого! Да ты десять раз даже пешком успеешь, смотри, мы уже к «Проспекту Мира» подъезжаем, оттуда до Каланчевки рукой подать. Давай, пошли, дернем за встречу.

— Да куда ж я в таком виде... — засомневался Стеценко.

Вид у него был для поезда в самый раз, а вот ежели в ресторан, то никуда не годился.

— Ты что ж думаешь, я тебя в кабак приглашаю? Извини, брат, у меня таких бабок нет, я сам на пенсию живу, на нее не пожируюешь. Но у меня, как говорил известный сатирик, с собой было.

Геннадий подмигнул и показал бутылку, торчащую во внутреннем кармане необъятной куртки.

— Сейчас найдем с тобой укромный уголок, какую-нибудь детскую площадку, раздавим бутылек, и поедешь ты в свою Тверь к... Кто там у тебя? Есть кто-нибудь? Жена? Или просто баба?

У Стеценко была «просто баба», но он уже столько лет жил с ней и растил общего ребенка, дочку, что привык считать ее женой.

— Жена, — нехотя выдавил он.

— Ну и славно. Пойдем, — Геннадий потащил его к открывшимся дверям, — поднимем рюмку за ее здоровье.

«Зачем я с ним иду? — мелькнуло в голове у Валерия. — На кой черт он мне сдался? Век бы его не видеть и не вспоминать. Выпить охота, надо добавить, а то от водки с колою хмель дурной, грязный какой-то... Может, и правда полегчает. И тратиться не надо. Какая-никакая, а экономия выходит».

Они поднялись по эскалатору и вышли на улицу. От метро Геннадий повернул влево и повел Стеценко мимо аптеки, ювелирного салона и

цветочного магазина. Начался забор, и Валерий подумал: «Наверное, сюда поведет. Там, за забором, двор какой-то». Но Геннадий продолжал идти вперед.

— Далеко идти-то? — недовольно спросил Стеценко.

— Не бойсь, я места здешние знаю, — ухмыльнулся Геннадий. — Шагай за мной.

Валерий на всякий случай взгляделся в глубину двора за забором и понял, что там находится какой-то офис, он даже вывеску почти разглядел, вроде фонд какой-то и ресторан. И правда, здесь им делать нечего.

Началось длинное одноэтажное строение с уже закрытыми магазинчиками и забегаловками, а Геннадий все шел и шел.

— Слышь, там уже поворот виден, — робко заметил Стеценко, которому в этот момент ну просто нестерпимо захотелось выпить, то ли от тягостных воспоминаний, то ли водка с колой продолжали так действовать. Скорей бы уж дойти, налить и накатить.

— Нам туда и надо, — невозмутимо отозвался Геннадий.

Свернули в Грохольский переулок, перешли на противоположную сторону и метров через двести примерно дошли до прохода в обсаженный деревьями дворик перед домом, на углу которого висела реклама какого-то ортопедического салона.

— Здесь, что ли? — с надеждой спросил Валерий.

— А что? Отличное место. Там в уголке беседка, видишь?

Валерий напряг зрение — освещение было только по периметру дома, а дворик с деревьями и беседка тонули в полной темноте. Беседку он с трудом, но разглядел, и ему показалось, что внутри кто-то шевелится.

— Там кто-то есть.

— Да бомжи, ясное дело, — махнул рукой Геннадий. — Они нам не помеха. Да и спят уже, как пить дать.

Они пробрались к беседке, в которой действительно устроились на ночлег парочка немых на вид и жутко вонючих субъектов.

— Эй, мужики, — Геннадий пошевелил храпящие и сопящие тела ногой, — вставайте.

Один из бомжей проснулся и подал голос. Лица его в темноте было не видно, Стеценко даже не смог определить, старый он или не очень.

— Чего надо?

— Свалите отсюда, нам с другом посидеть надо, встречу обмыть. — Геннадий достал из куртки две бутылки пива и протянул бомжу. — Идите выпейте за наше здоровье, освободите территорию.

Стеценко поразился тому, как много нужного и полезного находится в карманах этой необъятной куртки: не только бутылка водки, но и пара пива. Наверное, там и закуска какая-никакая имеется. Он повеселел. Правда, бомж вызвал у него вполне здравые опасения: на каком основании он должен освободить законно занятую территорию каким-

то пришельцам? Сейчас начнет бузить, в драку полезет... Но бомж бузить и не собирался, две бутылки пива возымели свое действие, и он принялся будить напарника:

— Вставай, Корявый, да вставай же ты, нам тут подвалило... Давай вставай, поползли за дом, ща похмелимся малек...

Второй бомж дал себя увести. Надо же, как здесь все-таки темно, удивился Валерий, вроде были только что два человека, а шаг сделали — и как растворились в пространстве, будто и не было их. Чудеса, да и только.

Сели на скамеечку по периметру беседки, Геннадий извлек из кармана бутылку и набор складных стаканчиков, который, оказывается, тоже уместился в карманах его безразмерной куртки. Налили. Стеценко выпил сразу, даже тост ждать не стал, хотя точно видел: Геннадий собрался какие-то слова произнести. Тот и вправду стаканчик поднял, уже было рот открыл, но вдруг поставил стаканчик на скамейку и нагнулся, стал что-то рассматривать.

— Ты чего? — удивился Валерий.

— Да тварь какая-то по ноге пробежала, крыса, что ли. Не видишь?

Стеценко нагнулся, шелкнул зажигалкой и, подсвечивая себе, начал разглядывать землю под скамейкой. Никакой крысы он не увидел, только пустую сигаретную пачку, с десятков окурков, несколько одноразовых стаканчиков, опорожненную бутылку и порванную обертку из-под мороженого. Больше он не видел ничего. Вообще ничего.

Выходящая на северную сторону стена была полностью стеклянной, больше никаких существенных перестроек в этом небольшом домике Ардаев не заметил. Ну, насчет стеклянной стены — это понятно, все-таки хозяин дома не кто-нибудь, а художник, и ему нужно помещение под мастерскую. Но почему он все остальное-то не переделал? Денег, что ли, не хватило? Да нет, Ардаев по своим каналам наводил справки, доходы у этого мазилы доморощенного более чем приличные, уж на переделку-то дома всяк должно хватить. Неужели жметя? С другой стороны, вон машина его стоит на участке прямо под открытым небом, никакого тебе гаража или даже простенького навеса, а ведь такая машина немалых денег стоит, уж это-то Ардаеву отлично известно. Получается, не бережет хозяин имущество. А разве так бывает, чтобы жмот — да не берег свое кровное? Если хозяин дома жмот, то это плохо, совсем плохо. Не катастрофа, но определенные трудности это обстоятельство создаст. Да когда же он наконец свалит?

Ардаев сидел в машине, припаркованной за два участка от дома художника, и ждал, когда хозяин уедет. Он предварительно навел нужные справочки и собрал кое-какую информацию, потому и знал, что домработница художника сегодня выходная, поскольку выходной ей был отведен на каждую субботу, а сам художник приглашен на прием по случаю крестин очередного ребенка очередного криминального авторитета, который